

§ 12 ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ

В.В. Кочетков

РОССИЙСКАЯ ЭЛИТОЛОГИЯ: НАУКА ИЛИ ИДЕОЛОГИЯ?

Аннотация: В статье показывается, что современная российская элитология по своему гносеологическому статусу является не наукой, а скорее идеологией, которая объясняет, а значит и легитимирует господство властвующей элиты. Любое социально-гуманитарное знание, чтобы обладать гносеологическим статусом науки, должно выполнять определенные функции. Такое знание (1) дает понимание мотивов и последствий поступков людей в прошлом и настоящем, (2) объясняет, что они скорее всего будут делать в будущем и (3) показывает, к чему они должны стремиться. Иначе говоря, чтобы стать наукой социально-гуманитарная теория должна не только объяснять (описывать) прошлое и предсказывать будущее, но и формулировать (обосновывать) некую норму (идеал) для общества. Автор показывает, что российская элитология не соответствует этим критериям, поскольку только раскрывает механизмы господства элиты. Для того чтобы стать наукой элитология должна обрести фундамент в виде публично-правовой этики конституционализма, которая позволяет оценивать результаты властвования элиты.

Ключевые слова: Философия, элитология, идеология, наука, конституционализм, публично-правовая этика, аксиология, этос, господство, элита

Любое социально-гуманитарное знание, чтобы обладать гносеологическим статусом науки, должно выполнять определенные функции. Такое знание (1) дает понимание мотивов и последствий поступков людей в прошлом и настоящем, (2) объясняет, что они скорее всего будут делать в будущем и (3) показывает, к чему они должны стремиться. Иначе говоря, чтобы стать наукой социально-гуманитарная теория должна не только объяснять (описывать) прошлое и предсказывать будущее, но и формулировать (обосновывать) некую норму (идеал) для общества. Это единство экспликации и импlications, имеющее своим фундаментом определенную аксиологию (публично-правовую этику) и дает нам образ современной социально-гуманитарной науки.

В настоящее время в России социально-гуманитарное знание не пользуется авторитетом в обществе. И это не случайно. Социология свелась к изучению общественного мнения и составлению всевозможных рейтингов. Экономика больше востребована в качестве языка различных политических программ и отчетов, мало связанных с реальной жизнью. Юристы больше заняты комментированием решений властвующей

элиты, чем исследованием правовой реальности. А политологи изучают способы манипуляции общественным сознанием в интересах элитных групп. Получается, что только элитология изучает реальные причины социальных изменений – особенности правящего класса и механизмы принятия им решений.

На первый взгляд звучит парадоксально то, что в государстве, в ст. 3 Конституции которого написано, что вся полнота власти принадлежит народу, на самом деле все зависит от дееспособности элиты. По нашему мнению, такая констатация имплицитно подразумевает полную недееспособность народа, носителя суверенитета. Для объяснения этого парадокса надо обратиться к истории вопроса.

Как известно, в Новое время в европейском обществе происходят качественные изменения, связанные с переходом от феодализма с его традиционным укладом к рациональной организации социальной жизни, воплощенной в институтах гражданского общества и правового государства. Важнейшими его проявлениями в политической сфере становится утверждение демократических институтов власти политических свобод. Вследствие этого широкие массы

населения, ранее являвшиеся лишь объектом политики, становятся её субъектом, реализуя, таким образом, идею народного суверенитета. Впервые в истории они получают в таком масштабе возможность непосредственно влиять (через систему выборов) на политический процесс и даже на принятие важнейших государственных решений.

Однако довольно быстро оказалось, что сама демократия не является универсальным решением всех социальных вопросов, а скорее сама является проблемой. Суть её состояла в растущем противоречии между огромным влиянием масс на политический процесс, с одной стороны, и низким уровнем их общей и особенно политической культуры, с другой. Следствием этого стала угроза перерождения самой демократической политической системы, установление новой тирании, более жестокой, чем прежняя абсолютная власть монархов.

Особую остроту эта проблема приобрела в странах догоняющей конституционализации.¹ Именно поэтому первые теории элит как систематическая критика конституционализма разрабатывались учеными из стран догоняющего развития: Г. Моска и В. Парето в Италии, М. Я. Острогорский в России, Р. Михельс в Германии.

Так, Г. Моска в 1881 г. сформулировал теорию правящего класса, которая, на первый взгляд, исходит из очевидной констатации: «Во всех обществах, начиная с едва приближающихся к цивилизации и кончая современными передовыми и мощными обществами, всегда возникают два класса людей – класс, который правит, и класс, которым правят. Первый класс, всегда менее многочисленный, выполняет все политические функции, монополизирует власть, в то время как другой, более многочисленный класс, управляется и контролируется первым».²

¹ Термин конституционализация с научной точки зрения, представляется более адекватным, чем модернизация, для обозначения процесса становления новоевропейской государственности. Поскольку он точнее отражает суть процесса изменения форм властвования и гражданского общества, который в итоге и привел к появлению современного демократического правового государства. Но мы далее в тексте будем использовать более привычный для общественности термин модернизация. Подробный анализ проблемы догоняющей конституционализации на примере России см.: *Кочетков В. В. Мнимый конституционализм в России в начале XX века. // Федерализм. 2012. № 2, сс. 57-68.*

² *Моска Г. Правящий класс. // Социс. 1994. № 10. С. 187.*

При этом, хотя для этого итальянского ученого основным критерием для выделения правящего класса является его отношение к власти, он отмечает и некие особенности этой страны: «Представители правящего меньшинства неизменно обладают свойствами, реальными или кажущимися, которые глубоко почитаются в обществе, в котором они живут».³ Иначе говоря, главным критерием отбора выступает в данном случае «способность управлять».

Тенденции же развития правящего класса зависят от изменения под давлением объективных признаков качеств, необходимых для управления членам правящего класса. Если эти качества меняются медленно, преобладает аристократическая тенденция. Если изменение происходит относительно быстро, то демократическая. При этом Г. Моска считал, что правящий класс наличествует в любом обществе, вне зависимости от соблюдения или несоблюдения им неких моральных принципов, положительного или отрицательного влияния на общество.

Другой итальянский ученый В. Парето в 1897 г. ввел в научный оборот термин «элита», обозначающий совокупность лиц, имеющих наивысшие индексы в своих профессиональных сферах деятельности. Иначе говоря, этот ученый подчеркивал дисперсный характер элиты и говорил об элите врачей, политиков, предпринимателей и т.д. Он полагал, что вследствие изначального физического и интеллектуального неравенства людей деление общества на элиту и массу неизбежно.

В. Парето для объяснения общественной динамики предложил также теорию циркуляции элит, которая сводится к рассмотрению политической жизни в виде постоянной смены элитных группировок, каждая из которых переживает периоды становления, расцвета и упадка, после чего сменяется, мирным или насильственным путем, другой группировкой – «контрэлитой». Все виды элитных групп относятся этим ученым к двум основным типам: «спекулянтов» и «рантье», которые рекрутируют определенный тип личности – «львов» или «лис».⁴ То, представители какого типа – спекулянтов или рантье – занимают элитные позиции, определяется потребностями общества в данной исторической ситуации. Результатом циркуляции элит является их динамическое равновесие, необходимое для общественного прогресса.

³ Там же. С. 189.

⁴ *Pareto V. Sociological Writings. London: Pall Mall Press. 1966. P. 57-60.*

Особенно негативно В.Парето относился к идее демократии: при ней элита узурпирует власть особо циничным способом, прикрываясь идеалами свободы и равноправия. Демократия, по его мнению, есть не что иное, как мифология или сентиментальная идеология. Общество всегда управлялось, и будет управляться элитами, преследующими свои корыстные интересы, не соответствующие интересам народа.⁵ Именно поэтому В.Парето был увлечен итальянским фашизмом, исповедующим непосредственную власть народа, персонифицированную в личности вождя.

С несколько других позиций критиковал демократию германский ученый Р.Михельс, который также в дальнейшем стал сторонником Б.Муссолини. Он четко подметил, что в индустриальном обществе отдельный человек имеет значение только в качестве члена какой-либо организации, желательной массовой (партии, профсоюза и т.п.). А любая массовая организация характеризуется бюрократической иерархией. Р.Михельс отмечает в этой связи: «Чем более расширяется и разветвляется официальный аппарат, чем больше членов входит в организацию, ... тем больше в ней вытесняется демократия, заменяемая всемогуществом исполнительных органов. Формируется строго обособленная бюрократия с множеством инстанций».⁶

На этой теоретической основе германский ученый формулирует так называемый «железный закон олигархии», суть которого можно изложить следующим образом: любой демократическая по своим интенциям организация для достижения стабильности вынуждена создавать бюрократическую иерархию и избирать лидеров, наделенных обширными полномочиями. В результате происходит узурпация всей власти лидерами или бюрократией, и демократия перерастает в олигархию. Тем более что демократия, по его мнению, в принципе не возможна, поскольку «большинство совершенно неспособно к самоуправлению», и поэтому «всегда непременно из масс выделяется новое организованное меньшинство, которое поднимает себя до положения правящего класса».⁷ Примыкая к фашизму с его культом вождизма, Р.Михельс был убежден, что демократия есть всего лишь красивая фраза и недостижимый идеал.

⁵ Pareto V. The Mind and Society. Vol. 3. New York: Dover Publications Inc., 1963. P. 1431.

⁶ Михельс Р. Необходимость организации. // Диалог. 1990. № 3. С.58.

⁷ Михельс Р. Необходимость организации. // Диалог. 1990. № 3. С.59.

При анализе теории элиты нельзя обойти вниманием концепцию выдающегося российского ученого конца XIX – начала XX вв. М.Я.Острогорского, который первым начал изучать роль партий в политическом механизме демократического государства. Рост социальной дифференциации в индустриальном обществе того времени, сопровождающийся усилением социальных противоречий, находил выражение в стремлении различных групп к усилению своего влияния в обществе. Средством для этого становилась мобилизация своих сторонников путем целенаправленных усилий. Так начали появляться политические партии. А из потребностей партийного строительства возникает *кокус* – структурная ячейка партии, обеспечивающая связь центра (политического руководства партии) с массами.⁸ Но в отличие от традиционных носителей власти, кокус не только не стремится афишировать свое влияние в обществе или в партии, но, напротив, тщательно камуфлирует его.

Возникнув первоначально как специализированный орган, обеспечивающий связь парламентских партий с массами избирателей, кокус со временем становится институтом, ведающим мобилизацией масс в поддержку той или иной программы, координацией всей партийной работы в массах, подбором и назначением функционеров на руководящие должности в местном и центральном аппарате, и, наконец, осуществлением пропаганды партийной идеологии. Сам характер власти кокуса, состоящий в манипулировании материальными ресурсами, кадрами, информацией, не поддается точному определению и может быть раскрыт лишь путем тщательного анализа инфраструктуры партийно-административной машины. Иначе говоря, *кокус* представляет собой механизм, позволяющий небольшому числу людей контролировать и направлять поведение масс.⁹

Таким образом, фундаментальным недостатком политической системы парламентской демократии М.Я.Острогорский считает отчуждение общества от управления и государственной власти. Он показал, каким образом при наличии равного избирательного права основная масса населения вытесняется, тем не менее, из активной политической жизни, и становится объектом манипулирования со стороны партийной

⁸ Острогорский М.Я. Демократия и политические партии. М.: РОССПЭН, 2010. С.49.

⁹ Острогорский М.Я. Демократия и политические партии. М.: РОССПЭН, 2010. С.149.

элиты – *кокуса*, что приводит к разрыву между политикой и моралью. Но, в отличие от своих зарубежных коллег, российский ученый выступал против редукции всего богатства политической жизни к межпартийному конфликту, к борьбе за места в парламенте.

На самом деле он хотел показать опасность монополизации партиями выражения общей воли народа. Как писал сам М.Я.Острогорский: «Задача, которую нужно выполнить, колоссальна: надо вернуть гражданину власть над государством и восстановить действительные цели этого государства; надо уничтожить разделение между обществом и политической жизнью и аннулировать разрыв между политикой и моралью. В политическом обществе необходимо восстановить авторитет так же, как и свободу, узурпированную людьми, которые торгуют общественным благом под флагом партии и именем демократии».¹⁰

В послевоенное время лидерами в области элитологии¹¹ стали американские ученые. По нашему мнению, это было связано, с точки зрения теории, с разработанным Т.Парсонсом методом структурно-функционального анализа, а с точки зрения практики, потребностями и проблемами формирующего постиндустриального общества, в котором стратификация стала основываться на доступе к знанию и месте в управленческой иерархии, а не на оппозиции собственник/несобственник.¹² Среди ученых, внесших весомый вклад в изучение данной проблематики, можно назвать Д.Белла, Ч.Р.Миллза, С.Келлер, Р.Даля и др.

Интегральная концепция элиты в постиндустриальном обществе была предложена американским социологом Г.Лассуэлом. Суть его теории заключается в выведенной им универсальной формуле социального процесса: «Человек стремится к благам через институты при помощи ресурсов».¹³ В этой связи этот американский ученый выделяет восемь видов таких благ: власть, знание, богатство, здоровье, умение, привязанность, уважение и духовность. Также им вы-

деляются институты, через которые распределяются (sic! – В.В.К.) эти блага. Например, власть сконцентрирована в правительстве, богатство в бизнесе и т.д. Соответственно, элита и есть те люди, которые обладают этими благами в наибольшей степени. Следовательно, элиту можно разбить на восемь классов, причем, очевидно, что эти классы пересекаются, а конкретный индивид может одновременно входить в несколько классов.

В этой связи Г.Лассуэл считал, что задачей политической (социологической) науки является изучение того, «какие сообщества они [элиты – В.В.К.] представляют или возглавляют, представителями или продуктами каких классов они являются, какие интересы они отражают, представители каких личностных типов скорее будут ими приняты в свои ряды, а каких – нет, и какие обстоятельства времени и места наиболее удобны или представляют наибольшую трудность для тех, кого мы называем элитами».¹⁴ Этот американский ученый даже дополняет известное определение М.Вебера и утверждает, что власть – это не столько влияние индивида на поведение других индивидов, сколько влияние индивида на процесс принятия решений в организации. Поэтому он подчеркивает, что правящая элита не обязательно активно пользуется своей властью, это, прежде всего, определенная социальная среда, из которой берутся лидеры.

Представляется, что появление новых акцентов в развитии элитологии связано с тем, что проблемы реализации идеалов демократии после построения социального государства в передовых странах Запада приобрели новое качество. Если в эпоху индустриализма и становления потребительского общества народные массы активно боролись за свои политические и экономические права, то в результате решения государством основных социальных вопросов и роста уровня потребления средний класс потерял интерес к политике как сфере реализации публичных интересов. И эта область была захвачена бюрократами (профессиональными управленцами и экспертами). В этом, собственно говоря, и заключается научное управление общественным развитием. Поскольку бюрократизация повышает, особенно в начале, управляемость, постольку появилась возможность реализации экономических и политических теорий на плановой основе. Однако, благодаря конституционализации власти в

¹⁰ Там же. С.728.

¹¹ Термин «элитология» предложен советским ученым Г.К. Ашиным в 1985 г. для обозначения раздела политической науки, имеющего своим предметом возникновение и функционирование элиты в обществе.

¹² Подробный анализ постиндустриального общества см.: Кочетков В.В., Кочеткова Л.Н. К вопросу о генезисе постиндустриального общества.// Вопросы философии. 2011. № 2. С. 23-33.

¹³ *Lasswell H.D. Power and Personality*. Norton: The Norton Library. 1976. P.17.

¹⁴ *Lasswell H.D. Power and Personality*. Norton: The Norton Library. 1976. P.39.

развитых государствах, в общем и целом, удается защищать демократию от амбиций элиты.

Иначе складывалась судьба теории элиты в России. После октября 1917 г. был взят курс на преодоление буржуазного конституционализма и демократии. Теории правового государства и разделения властей, составляющие суть конституционализма, была противопоставлена новая стихийно возникшая форма государства – Советы рабочих, крестьянских и солдатских (в дальнейшем – народных) депутатов. В этой государственной форме все ветви власти соединились воедино: те, кто принимал законы, должны были их исполнять, а в случае необходимости – и судить в соответствии с ними. В.И. Ленин считал, что такое государство и является подлинной демократией, правда, при одном существенном условии – идейное и кадровое руководство над Советами должна осуществлять коммунистическая партия, организованная на совершенно других принципах, естественно, обремененная в полном соответствии с теорией М.Я. Острогорского кокусом и подтверждающей железный закон олигархии Р. Михельса.

Но поскольку кокус скрывает свое господство, то до закрепления в ст. 6 Конституции СССР (1977) руководящей и направляющей роли КПСС, партия называлась авангардом всех трудящихся и, соответственно, исследования элит не велись официальной наукой. Но в диссидентских кругах о формировании нового правящего класса в стране Советов первым заговорил еще Л.Б. Троцкий, критикуя сталинский социализм за отклонения от некоторых идеалов коммунистического строительства.¹⁵ А с более серьезных теоретических позиций это сделали диссиденты А.Альмарик и М.Восленский.

Первый написал в 1969 году прошлого века пророческую статью «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?». В этой работе А.Амальрик дал блестящий анализ дряхлеющего СССР. Причиной очевидно быстрого загнивания советского строя он считал уникальную социальную структуру и соответствующий ей менталитет советских людей. Весь советский народ был инкорпорирован в единую государственную организацию, где каждый являлся своеобразным чиновником на госслужбе. Это привело к тому, что в обществе начал работать «противоестественный отбор»: вверх по иерархической лестнице взбирались лишь,

кто угождал начальству. Тем самым в качестве основных моральных ценностей в советском обществе поощрялись цинизм и беспринципность, а не честность и свободолюбие. А «привыкнув беспрекословно подчиняться и не рассуждать, чтобы прийти к власти, бюрократы, наконец, получив власть, превосходно умеют ее удерживать в своих руках, но совершенно не умеют ею пользоваться».¹⁶ Иначе говоря, человек пройдя по все ступеням наверх по бюрократической иерархии уже не способен осуществлять целеполагание, а самое главное – абсолютно теряет связь с потребностями общественного развития.

Этот противоестественный отбор приводит к тому, что понятие элиты уже больше не связывается ни с доктриной, ни с харизмой вождя, ни с традицией, а только с властью как таковой. Именно эта особенность Советского Союза и позволила А.Амальрику сделать свой знаменитый вывод: «Сейчас, пожалуй, существуют, во всяком случае, некоторые из условий, вызвавших в свое время, как первую, так и вторую русские революции: кастовое, немобильное общество; окоченелость государственной системы, вступившей в явный конфликт с потребностями экономического развития; бюрократизация системы и создание привилегированного бюрократического класса; национальные противоречия в многонациональном государстве».¹⁷

С нескольких других позиций советский строй анализировал М. Восленский, который и сделал достоянием науки термин «номенклатура». Особую остроту его работе придавал тот факт, что он сам как ответственный работник ЦК КПСС был членом советской элиты и, следовательно, его фундаментальная книга «Номенклатура», вышедшая на Западе после его бегства, выглядела как акт саморазоблачения. Этому ученому удалось показать не только аморальность советского строя, провозглашавшего своей целью достижение идеалов свободы и равенства, которые якобы не могут быть реализованы в условиях «буржуазного» конституционализма, а на деле все эти благие намерения служили легитимации власти корыстолюбивой номенклатуры. И в этом его критика аналогична разоблачениям демократии со стороны В. Парето и Р. Михельса. Но самая главная заслуга М.Восленского состояла в том, что он вскрыл экономический (всеоб-

¹⁵ Троцкий Л.Б. Преданная революция. М.: Издательство НИИ культуры Министерства культуры РСФСР. 1991.

¹⁶ Амальрик А. просуществует ли Советский союз до 1984 года? //www.vehi.net/politika/amalrik/html

¹⁷ Амальрик А. просуществует ли Советский союз до 1984 года? //www.vehi.net/politika/amalrik/html

щая государственная собственность) и организационный (монополия на назначение на все значимые государственные и хозяйственные должности) механизмы власти номенклатуры.¹⁸

Прежде всего, этот ученый исходит из констатации академика А.Д.Сахарова, который писал: «Хотя соответствующие социологические исследования в стране либо не проводились, либо засекречены, но можно утверждать, что уже в 20-е – 30-е годы [XX века – В.В.К.] и окончательно в послевоенные годы в нашей стране сформировалась и выделилась особая партийно-бюрократическая прослойка – «номенклатура», как они себя сами называют».¹⁹ Это самоназвание для «посвященных» объяснялось следующим образом: «Номенклатура – это перечень наиболее важных должностей, кандидатуры на которые предварительно рассматриваются, рекомендуются и утверждаются данным партийным комитетом (райкомом, горкомом, обкомом партии и т.д.). Освобождаются от работы лица, входящие в номенклатуру партийного комитета, также лишь с его согласия. В номенклатуру включаются работники, находящиеся на ключевых постах».²⁰

Именно номенклатуру и считал М. Восленский правящим классом Советского Союза: «Номенклатура

¹⁸ Справедливости ради надо отметить, что отдельные мыслители до М.Восленского обращали внимание на бюрократизацию СССР. Например, Бердяев Н.А. писал: «Диктатура пролетариата, усилив государственную власть, развивает колоссальную бюрократию, охватывающую, как паутина, всю страну и все себе подчиняющую. Это новая советская бюрократия, более сильная, чем бюрократия царская, есть новый привилегированный класс, который может жестоко эксплуатировать народные массы. Это и происходит...». // *Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма.* Париж, 1955. с. 105. Но М.Восленский показал, что власть номенклатуры есть не просто следствие особых условий диктатуры пролетариата и борьбы классов, она является сутью ленинизма, которая проявилась в эпоху Сталина и других генеральных секретарей. Как писал сам В.И.Ленин: «Господство рабочего класса в конституции, в собственности и в том, что именно мы двигаем дело, а управление – это другое дело. Чтобы управлять, надо иметь людей, умеющих управлять... Умение управлять с неба не валится и святым духом не приходит, и оттого, что данный класс является передовым классом, он не делается способным к управлению.... Для управления, для государственного устройства мы должны иметь людей, которые обладают техникой управления, которые имеют государственный и хозяйственный опыт» // *Ленин В.И. Полное собрание сочинений.* Т.40. С.252-253.

¹⁹ *Сахаров А.Д. О стране и мире.* Нью-Йорк, 1975. С. 19

²⁰ *Партийное строительство. Учебное пособие.* Изд. 6-е. М.: Политиздат, 1981. С.300

осуществляет в первую очередь именно политическое руководство обществом, а руководство материальным производством является для нее уже второй задачей. Политическое управление – наиболее существенная функция номенклатуры».²¹

Причем власть эта имеет иерархический характер. Иначе говоря, каждый член номенклатуры имеет свой отведенный ему участок властвования. Особенность же советского государственного строя состояла, по мнению М. Восленского, в том, что «центрами принятия решений класса номенклатуры являются не Советы, а органы, которые в ней не названы. Это партийные комитеты разных уровней от ЦК до райкома КПСС».²² В этой связи интересно сравнение М.Восленским чиновников западных стран и советских номенклатурщиков. Он пишет: «По существу же между чиновничеством и номенклатурой ничего общего нет. В этом легко убедиться, поставив вопрос: кто является определяющей силой для чиновничества и для номенклатуры, чью волю они выполняют? Тут и выясняется, что чиновники выполняют приказы государственных органов, тогда как номенклатура сама диктует свою волю этим органам через решения, мнения и указания руководящих партийных инстанций. Чиновники – это привилегированные слуги, а номенклатурщики – самовластные господа».²³

Все дело в том, что разделение властей, которое осуществляется в конституционной демократии, позволяет отделить принятие решений (законодательная власть) от их исполнения (исполнительная власть). А независимая судебная система дает возможность оспаривать и закон, и подзаконное действие исполнителя. Концентрация всех властей в Советах позволяет малочисленной номенклатуре через кадровый и организационный механизм полностью контролировать всю публичную и частную жизнь страны и её граждан.

Номенклатура, согласно анализу М. Восленского, имеет сложную структуру и классифицируется по трем критериям: по партийному органу, включившему данное лицо в номенклатуру; по вышестоящему партийному органу, санкционировавшему это включение; по

²¹ Восленский М. Номенклатура: Господствующий класс Советского союза. М.: Захаров, 2005. С. 113

²² Восленский М. Номенклатура: Господствующий класс Советского союза. М.: Захаров, 2005. С. 119

²³ Там же. С. 134

характеру номенклатурной должности, представленной данному лицу – штатной или выборной, причем последний критерий является ключевым. Штатная номенклатура – это номенклатура, в которую входят лица, назначенные на штатные аппаратные должности. А выборная номенклатура – это номенклатура, в которую входят лица, «рекомендованные» на «выборные» государственные или партийные должности. Как известно, в СССР все виды выборов (в Советах, профсоюзах, партии, колхозах и т.д.) носили мнимый характер, поскольку кандидаты рекомендовались партийными вышестоящими организациями. Но выборные должности не пользовались популярностью у номенклатуры, потому что (1) они носили временный характер и (2) лица их замещающие практически не участвовали в подготовке важнейших государственных решений. Поэтому М.Восленский к номенклатуре в узком смысле относил только штатные номенклатурные должности и численность всего класса определял в 100 000 человек.²⁴ Причем он также констатировал, что членство в этом классе носит пожизненный и наследственный характер. Таким образом, это именно класс, а не просто чиновничество или работники аппарата.

В конце концов, почти все страны реального социализма потерпели фиаско. И через эволюцию (Китай) или революцию (СССР и др. страны европейского соцлагеря) начали демонтировать систему номенклатуры. При этом у одних (например, Китай) есть экономические успехи, но власть номенклатуры в политической сфере сохраняется и даже преподносится как условие первого. В европейских странах бывшего соцлагеря была успешно ликвидирована власть номенклатуры во всех сферах общественной жизни.²⁵ Россия, которая,

²⁴ *Восленский М.* Номенклатура: Господствующий класс Советского союза. М.: Захаров, 2005. С. 154

²⁵ Самым эффективным способом сокрушения власти номенклатуры, как показал опыт восточно-европейских постсоциалистических стран, стало законодательство о запрете занимать бывшим партократам и сотрудникам репрессивных спецслужб должности в новых конституционных государственных органах. Чистка же в структурах гражданского общества (партии, профсоюзы и т.п.) осуществлялась с помощью СМИ, которые разоблачали бывших агентов органов госбезопасности. Этот спорный шаг с точки зрения классической теории прав человека и гражданина позволил оградить вновь образованные госинституты от носителей антидемократических ценностей. Как показала практика, в тех странах, где этот подход к формированию новых органов управления не был последовательно осуществлен, так и не удалось осуществить конституционализацию власти.

приняв в 1993 г. первую в своей истории демократическую Конституцию, также получила уникальный шанс на конституционализацию власти. Но, к сожалению, российская элита предпочла другой путь. Исследованию причин этого посвящено немало работ. Самыми известными являются, пожалуй, труды Г.К.Ашина и О.В.Крыштановской, а также ряд работ социологического центра под руководством Ю.А.Левады.

Г.К.Ашин исходит из того, что термин «элита» как таковой востребован, потому что существует особая роль правящего меньшинства в социально-политическом процессе. Хотя подлинная проблема, по его мнению, состоит в том, «чтобы объяснить, почему определенная элитная группа овладела властными позициями».²⁶ Но в этой связи возникает другой вопрос, а как идентифицировать элиту. Ответ этого ученого не оригинален: в нее включаются лица, принимающие важнейшие стратегические решения.

Представляется, что этот тезис, некритично заимствованный из американской политической науки, является общим местом российской элитологии. Кроме Г.К.Ашина, его придерживается и О.В. Крыштановская (её взгляды мы проанализируем ниже), и О.В.Гаман-Голутвина, определяющая элиту «как внутренне сплоченную, составляющую меньшинство общества социальную группу, являющуюся субъектом подготовки и принятия (или влияния на принятие/непринятие) важнейших стратегических решений и обладающую необходимым для этого ресурсным потенциалом».²⁷

Из такой трактовки данного термина, на наш взгляд, невозможно четко выделить элиту как таковую, так как в объем данного понятия могут быть включены и узурпаторы, и тираны, и диктаторы, и тоталитарные партии, и семейные кланы, и т.п. Важным недостатком этой дефиниции является также и то, что при этом из рассмотрения исключаются результаты влияния этой группы на общество в целом. А ведь без этого аспекта теряется эвристичность политической науки, а также и её нормативные импликации. При этом надо отдать должное Г.К.Ашину, который в отличие от своих молодых коллег, видит данную коллизию. И хотя, в общем и целом принимая такую

²⁶ *Ашин Г.К.* Элитология: История, теория, современность. М.: Изд-во «МГИМО-Университет», 2010. С.235.

²⁷ *Гаман-Голутвина О.В.* Определение основных понятий элитологии. // Полис.2000. № 4. С.99

дефиницию,²⁸ он все-таки считает нужным различать подлинную элиту и квазиэлилу. В этой связи он отмечает: «Подлинная элита – та, которая глубоко осознает интересы общества и профессионально действует в направлении их реализации. Поэтому часть общества, профессионально выполняющая функции управления обществом, не всегда подлинная элита, это может быть и квазиэлита».²⁹

К сожалению, этот ученый не разрешает данной коллизии и не объясняет, почему элита или квазиэлита овладела властными позициями. На наш взгляд, такое некритическое заимствование методологии идентификации элиты по основанию участия в принятии стратегических решений, разработанной известным американским ученым Р.Далем для полиархии (плюралистической современной демократии), дает совершенно другие результаты, будучи применена к Советской или современной России. В американском обществе, которое развивается в рамках конституционализма более двухсот лет, уже четко реализованы принципы разделения властей, независимости суда, защиты прав человека, которые обеспечивают целесообразность управления государством со стороны той или иной элитной группировки. Эти же принципы создают также легитимные основания для отстранения её от власти в случае игнорирования конституционных ценностей. Кроме того, механизм занятия высших должностей в современной конституционной демократии прозрачен и понятен всем гражданам, которые принимают в этом или непосредственное участие через выборы, или опосредованно через своих представителей, а также через институты гражданского общества. В современной же России таких четких критериев оценки деятельности властвующего меньшинства, кроме способности удерживать власть и подавлять гражданское общество, просто нет. Как нет четких и понятных механизмов приведения того или иного лица к власти, кроме протекции начальства.

Таким образом, если Г.К.Ашин видит эту основную коллизию отечественной элитологии как науки, но не может разрешить её в силу догматизма, то его молодые коллеги совершенно игнорируют ее, пред-

почитая описывать индивидуальные характеристики той или иной элитной группировки. Например, социолог О.В.Крыштановская полагает, что в политическом пространстве действуют акторы, которые владеют политическим капиталом и находятся внутри государственной корпорации, являясь ее инсайдерами. Для инсайдеров она дает имя «официалы», подразумевая под этим любое должностное лицо в системе государственной власти. Причем официалы также неоднородны, их можно классифицировать по типу их инкорпорации.

Первая группа включает лиц, назначенных на должность – это бюрократия. Вторую группу составляют те, кто приходит во власть с помощью выборов. «Эта группа неоднородна и состоит из двух подгрупп: первую я буду называть электократией, так как она объединяет тех, кто, победив на выборах, становится во главе иерархической организации, то есть после выборов становится чиновником. Вторую подгруппу составляет те, кто наполняет легислатуры различных уровней, и поэтому я называю их легислократией. Иначе говоря, политический класс состоит из бюрократии – назначаемых чиновников, электократии – избираемых чиновников и легислократии – депутатов».³⁰

Очевидно, что в своих исходных дефинициях О.В.Крыштановская превращает описываемую М.Восленским практику советской номенклатуры в некую универсальную социальную теорию. При этом она полностью игнорирует аксиологический аспект элитологии, который у М.Восленского и Г.К.Ашина был на переднем плане. То, что первый считает отклонением от нормы западной цивилизации, а второй для преодоления этой ситуации пытается внедрить демократические ценности через понятие «подлинной элиты», у О.В.Крыштановской превращается в нормативную теорию статус кво: «Элита – это правящая группа общества, являющаяся верхней стратой политического класса.... Элита не только правит обществом, но и управляет политическим классом, а также создает такие формы

²⁸ «В политологии элита – высшая страта в системе стратификации (независимо от оснований этой стратификации), управляющая подсистема в иерархизированной системе»// Ашин Г.К. Элитология: История, теория, современность. М.: Изд-во «МГИМО-Университет», 2010. С.254.

²⁹ Там же. С.251.

³⁰ Крыштановская О. Антология российской элиты. М.: Захаров, 2005. С. 64. Интересно то, что этот автор совершенно не выделяет как определенную элитную группу судебское сообщество и не рассматривает роль судей в демократическом политическом процессе, хотя именно судебные решения растолковывают законы и действия исполнительной власти и тем самым придают им высшую легитимность. Сказывается советская традиция сервильности суда.

организации государства, при которых ее позиции являются эксклюзивными».³¹

Есть еще важные характеристики элиты, по мнению О.В.Крыштановской, это ее закрытость или открытость. Закрытой надо считать элиту, которая формируется исключительно из представителей нижестоящих страт политического класса. Открытой, напротив, называется такая элита, инкорпорация в которую возможна из всех слоев общества. Этот российский социолог даже переформулирует паретовский закон «циркуляции элит»: «Периоды открытой и закрытой элиты сменяют друг друга и зависят от циклов становления политических режимов. Новые режимы, испытывающие кадровый голод и имеющие ограничения на привлечение представителей старого политического класса, как правило, широко используют аутсайдеров для пополнения элиты. Чем старше и стабильнее режим, тем меньше шансов у «чужаков» попасть в систему власти, тем более постепенное восхождение нужно совершать инсайдерам, чтобы добраться до вершины».³² Правда, при такой формулировке получается, что открытость или закрытость элиты зависят от скорости карьеры по иерархическим ступеням, что представляется неверным.

Этот автор пытается уточнить свое понимание, вводя понятия корпорации – поставщики и корпорации – приемщики, справедливо отмечая, что «для анализа мобильности элиты важно не только изучать процесс приема или изгнания из политических корпораций, но и то, какие институты отвечают за рекрутацию».³³ Особенно сильной ее стороной является анализ процесса инкорпорации в российскую элиту и четкая демонстрация того факта, что именно выходцы из силовых ведомств (ФСБ, МВД, Минобороны) сыграли ведущую роль в становлении режима «суверенной демократии».³⁴

Суть этого режима по описанию известных отечественных социологов выглядит следующим образом: «Российская квазиэлита представляет собой зам-

кнутое социальное множество, удерживаемое лишь лояльностью вышестоящему начальству, от которого оно полностью зависит и расположения которого всячески ищет. В идеологическом плане это довольно аморфная группа, объединяемая лишь представлениями о том, что считает важным высшая власть, подбирающая и назначающая подчиненных на соответствующие должности и позиции. Власть, как полагают опрошенные эксперты, «самодостаточна» и опирается только на себя или на силовые структуры. Президент обладает самодержавной полнотой власти и не зависит ни от кого».³⁵

Тем не менее, остается вопрос: почему все это стало возможным? Ответ О.В.Крыштановской является типичным для современной элитологии: «Существует два типа обществ – экономические и политические. В обществах первого типа доминирующим фактором социального развития является экономика... Власть формируется правящим классом собственников. Общественное развитие происходит под воздействием рынка и называется модернизацией. В обществах второго типа политика доминирует над экономикой. В этих обществах власть приносит богатство, а класс собственников зависит от государства. Здесь власть формирует экономику, и такой тип общественного развития мы называем стимуляцией».³⁶

В истории России всегда господствовала политическая стратификация: политический класс властвовал над народной массой, в среде которой не возникало независимых от власти центров гражданской спонтанности. Получается, что В.В.Путин всего лишь вернул Россию на ее историческую колею. Нам же представляется, что объясняющая сила этой концепции, основанной на некритическом заимствовании теоретических конструкций К.Виттфогеля,³⁷ исследовавшего особенности азиатского способа производства, не велика. И по своей сути, она способна лишь описать некоторые особенности российской элиты, а не стать полноценной целеполагающей (нормативной) теорией. Именно такие взгляды оправ-

³¹ Там же. С. 73

³² *Крыштановская О.* Антология российской элиты. М.: Захаров, 2005. С. 91

³³ Там же. С. 99

³⁴ Там же. С. 269. Как она сама пишет по этому поводу: «Рекрутируя в элиту военных, президент и его окружение придали определенный вектор ближайшему будущему реформ. Политика теперь приобретает ряд специфических особенностей, которые связаны с профессиональными качествами военных.... Сама военная среда является авторитарной, демократический стиль управления здесь неприемлем»././ Там же. С. 283.

³⁵ *Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Левада Ю.А.* Проблемы «элиты» в современной России: Размышления над результатами социологического исследования. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007. С. 206.

³⁶ *Крыштановская О.* Антология российской элиты. М.: Захаров, 2005. С. 372

³⁷ *Wittfogel K.* Oriental Despotism. New Haven: Yale University Press. 1963.

Политика и общество 4 (100) • 2013

дывают цинизм современного российского политического класса, с равнодушием взиравшего на завершение операции «приемник» осенью 2011г. Именно такое понимание российской истории вкладывается в головы электората, для того чтобы обеспечить статус кво режима «управляемой демократии».

Таким образом, современная российская элитология, некритически заимствуя идеи западной науки, выполняет функции идеологии, поскольку, объясняя механизмы господства элиты, не даёт критериев для оценки результатов её правления. Для того чтобы стать наукой элитология должна встать на фундамент публично-правовой этики конституционализма, которая позволяет через признание достоинства каждого человека, приоритета свободы и справедливости сформулировать четкие требования к правящему классу, а также через институты демократии определить прозрачные механизмы инкорпорации в элиту. Это позволит ей полноценно выполнять нормативную функцию социальной науки.

Библиография:

1. Амальрик А. просуществует ли Советский союз до 1984 года? //www.vehi.net/politika/amalrik/html
2. Ашин Г.К. Элитология: Истории, теория, современность. М.: Изд-во «МГИМО-Университет», 2010.
3. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1955
4. Восленский М. Номенклатура: Господствующий класс Советского союза. М.: Захаров, 2005
5. Гаман-Голутвина О.В. Определение основных понятий элитологии.// Полис.2000. № 4
6. Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Левада Ю.А. Проблемы «элиты» в современной России: Размышления над результатами социологического исследования. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007
7. Кочетков В.В. Мнимый конституционализм в России в начале XX века.// Федерализм. 2012. № 2, сс. 57-68
8. Кочетков В.В. Социальный вопрос и конституционализм.// Полис. 2012. № 2. С. 152-163.
9. Кочетков В.В., Кочеткова Л.Н. К вопросу о генезисе постиндустриального общества.// Вопросы философии. 2011. № 2. С. 23 -33.
10. Крыштановская О. Антология российской элиты. М.: Захаров, 2005.

11. Михельс Р. Необходимость организации.// Диалог. 1990. № 3
12. Моска Г. Правящий класс.// Социс. 1994. № 10
13. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т.40.
14. Острогорский М.Я. Демократия и политические партии. М.: РОССПЭН, 2010.
15. Партийное строительство. Учебное пособие. Изд. 6-е. М.: Политиздат, 1981.
16. Сахаров А.Д. О стране и мире. Нью-Йорк, 1975
17. Троцкий Л.Б. Преданная революция. М.: Издательство НИИ культуры Министерства культуры РСФСР. 1991.
18. Lasswell H.D. Power and Personality. Norton: The Norton Library. 1976
19. Pareto V. Sociological Writings. London: Pall Mall Press. 1966.
20. Pareto V. The Mind and Society. Vol. 3. New York: Dover Publications Inc., 1963
21. Wittfogell K. Oriental Despotism. New Haven: Yale University Press. 1963

References (transliteration):

1. Amal'rik A. prosushchestvuet li Sovetskiy soyuz do 1984 goda? //www.vehi.net/politika/amalrik/html
2. Ashin G.K. Elitologiya: Istorii, teoriya, sovremenost'. M.: Izd-vo «MGIMO-Universitet», 2010.
3. Berdyayev N. A. Istoki i smysl russkogo kommunizma. Parizh, 1955
4. Voslenskiy M. Nomenklatura: Gospodstvuyushchiy klass Sovetskogo soyuza. M.: Zakharov, 2005
5. Gaman-Golutvina O.V. Opredelenie osnovnykh ponyatiy elitologii.// Polis.2000. № 4
6. Gudkov L.D., Dubin B.V., Levada Yu.A. Problemy «elity» v segodnyashney Rossii: Razmyshleniya nad rezul'tatami sotsiologicheskogo issledovaniya. M.: Fond «Liberal'naya missiya», 2007
7. Kochetkov V.V. Mnimyy konstitutsionalizm v Rossii v nachale KhKh veka.// Federalizm. 2012. № 2, ss. 57-68
8. Kochetkov V.V. Sotsial'nyy vopros i konstitutsionalizm.// Polis. 2012. № 2. S. 152-163.
9. Kochetkov V.V., Kochetkova L.N. K voprosu o genezise postindustrial'nogo obshchestva.// Voprosy filosofii. 2011. № 2. S. 23 -33.
10. Kryshtanovskaya O. Antologiya rossiyskoy elity. M.: Zakharov, 2005.
11. Mikhel's R. Neobkhodimost' organizatsii.// Dialog. 1990. № 3
12. Moska G. Pravyashchiy klass.// Sotsis. 1994. № 10

13. Lenin V.I. Polnoe sobranie sochineniy. T.40.
14. Ostrogorskiy M.Ya. Demokratiya i politicheskie partii. M.: ROSSPEN, 2010.
15. Partiynoe stroitel'stvo. Uchebnoe posobie. Izd. 6-e. M.: Politizdat, 1981.
16. Sakharov A.D. O strane i mire. N'yu-York, 1975
17. Trotskiy L.B. Predannaya revolyutsiya. M.: Izdatel'stvo NII kul'tury Ministerstva kul'tury RSFSR. 1991.
18. Lasswell H.D. Power and Personality. Norton: The Norton Library. 1976
19. Pareto V. Sociological Writings. London: Pall Mall Press. 1966.
20. Pareto V. The Mind and Society. Vol. 3. New York: Dover Publications Inc., 1963
21. Wittfogell K. Oriental Despotism. New Haven: Yale University Press. 1963